

Эми Мейснер

(Amy Meissner) — художница и писательница, живет в Анкоридже (Аляска). Работая с найденными тканями, обращается к словесному, физическому и эмоциональному труду женщин; стремится поощрять культуру починки и в качестве социальной инициативы учит других чинить одежду; изучала искусство и текстиль, диплом магистра в области творческого письма и изучения ручного труда.

Ремонт одежды

как сопровождение:

Этика заботы применительно к искусству починки

I

Семейная трагедия произошла в 1991 году в Швеции, когда однажды утром по дороге на работу молодые двоюродные братья моей мамы вместе с двумя коллегами врезались в грузовик. Наши родственники погибли, один коллега выжил, выжил и водитель грузовика, позднее рассказавший, как машину перед ним занесло на встречную. Мы узнали эту новость, находясь в Америке, за тысячи километров, пытаясь перевести и собрать по кусочкам всю историю, в которой по сей день остаются пробелы.

Попытка переработать это горе с помощью ручного труда началась несколько месяцев или лет спустя, когда мать моих дядей разрешила одежду своих сыновей — джинсы, хлопчатобумажные рубашки в красно-белую клетку, коричневые рабочие костюмы — на полоски, сшила их, как веревку, смотала в клубок и на напольном ткацком станке Glimakra сплела из них коврики. Еще до того как моя двоюродная

Статья впервые
опубликована
в журнале
Chatter Marks
(2021. Issue 3)

бабушка умерла, я получила в наследство два из этих ковриков и до сих пор различаю клетчатый узор рубашек, мягкую ткань синих джинсов, бахрому, оставшуюся от разрезов, в соседстве с обтрепавшимися от ношения краями. Теперь я уже не могу спросить, что побудило ее сшить эти изделия: потребность ли в осязаемом действии, инстинкт ли, стремление ли выразить свое горе в материальной форме, — но я представляла себе, как она сидит в деревенском доме в Йордале в окружении корзин со свернутой в мотки материей, рассортированной по цвету или толщине, переплетает остатки двух жизней и воспоминания о них, год за годом — судя по количеству ковриков, для которых она успела подготовить материал или которые закончила плести, — повторяет одни и те же движения. Но даже если бы она была жива, трудно было бы ее расспрашивать. Конечно, мы родня, но мы говорим на разных языках, принадлежим к разным поколениям, живем в разных странах — и культурах, — а это осложняет разговор. Думаю, она сказала бы, что пыталась таким образом залечить рану, хотя я уверена, что скорбь не покидала ее. Наверное, это была работа, располагающая к размышлениям, носившая отчасти практический характер: она изливала горе в труде, а создаваемые ею изделия обретали жизнь благодаря ее телу, как некогда ее дети. Я уверена, что источником этого труда была забота, и, думаю, бабушка дала выход своему горю, выплеснувшись в каждый зазор между полосами ткани и воплотившись в изношенной материи.

Вот почему тридцать лет спустя моя задача так трудна: из ковриков, заботиться о которых было поручено мне, один порвался.

II

Меня притягивает ткань, хранящая следы жизни: одежда, постельное белье, скатерти, полотенца, неоконченные вышивки, лоскутное шитье. Часто это уже старая и ветхая ткань. Хотя в детстве я не интересовалась шитьем, благодаря поездкам на родину моей мамы и возможности наблюдать, как шведки в нашей семье занимаются рукоделием и починкой одежды, у меня сформировалось определенное понимание материала, а также потенциальной долговечности ткани и присутствующих ей недостатков, обусловленных ее структурой или повреждениями. Вместе с тем на меня как на художника, живущего сейчас на Аляске и усвоившего эти практики, влияет переизбыток оказавшихся на свалке материалов в месте, куда я переехала более двадцати лет назад: из-за географической удаленности и недостаточно развитой транспортной инфраструктуры сюда не только дорого ввозить новые

материалы и товары, но еще и скапливается мусор, вывоз которого опять же обходится дорого. Художники, ремесленники, мастера, жестянщики, все умелые и любопытные копаются в выброшенном добре, поскольку случилось, что баржи или грузовые самолеты не появлялись неделями или месяцами (со слов Ванды Симстер, см.: Decker 2001: 21). Учитывая к тому же изменение экологической ситуации на Крайнем Севере, избыточное личное и коллективное потребление, истощение ресурсов и опрометчивая утилизация ощущаются особенно остро. У меня дома ворох белья, отложенного для починки, проходит через аналогичные стадии сезонной активности и спада, накапливаясь, а затем медленно рассасываясь. Недавно я вытащила из-под кучи рваных джинсов розовый носочек и поняла, что с момента, когда я собиралась заштопать пятку, прошло столько времени, что он мал уже самому младшему из моих детей. А где же его розовый близнец? Давным-давно потерялся. Препятствия, мешающие нам приступить к починке, словно наносят вещи еще один удар — иногда сразу после первого повреждения, а иногда позже, когда мы осознаем, что у нас нет времени, что нам не хватает умения или желания, что прореха/дыра/трещина/протертость слишком велика. Часто самое очевидное решение — заменить порванную вещь или вовсе ее выбросить. Жалко, но можно понять.

Так как не я одна сталкиваюсь с подобными помехами, я занимаюсь в том числе тем, что учу других чинить повседневные текстильные изделия, причем так, чтобы они сами потом могли научить другого человека, тот — следующего, и так разрасталась бы непрерывная связь отношений, действий и простых инструментов. Меня чинить одежду научила в детстве мама, а ее — ее мама, тети и бабушка. Мне повезло научить многих, у кого не было возможности учиться, причем некоторые из этих людей старше меня. Всего за несколько поколений утрачено, по-видимому, множество навыков.

Изначально я загорелась желанием поддерживать местную культуру починки, потому что смотрела на ремонт одежды сквозь призму усугубляющегося климатического кризиса и отсутствия у членов общества необходимых навыков. Я подумала, что если люди научатся чинить одежду, они смогут сохранять контроль над обстоятельствами и сопротивляться рыночной системе, навязывающей им непрерывное потребление и замену одних вещей другими. Но поскольку недавно я стала обдумывать, как лучше починить коврик, сплетенный моей двоюродной бабушкой — с учетом его истории, ее действий и использованных материалов, — первоначальный импульс перерос в нечто большее: теперь я думаю, что приступать к починке надо с нежностью

к пострадавшей вещи, что ремонт — это акт заботы, сопутствующей переходу изделия к следующей стадии жизненного цикла.

Как-то утром четырнадцать лет назад, укачивая ребенка, который никак не мог успокоиться, я споткнулась о коврик. Я не уронила малыша, но с силой уперлась ногой, удерживая равновесие, так что скрепляющие ткань хлопчатобумажные нитки затрещали и вдоль края образовалась прореха размером с большой палец. Когда выдалась свободная минута, я подволокла тяжелый коврик к швейной машинке, уверенно, но небрежно прострочила прореху зигзагом и вернула коврик в гостиную. Я не вспоминала об этой починке на скорую руку, пока несколько месяцев спустя не вытащила из стиральной машины мокрую сетку из веревок и петель со свободно болтающимися полосками ткани. Участок, где плетение расплозлось, теперь был больше маленького ребенка, а остатки зигзагообразной строчки по-прежнему упрямо цеплялись за три повисшие полоски джинсовой и клетчатой материи (иллюстрации см. во вкладке 2).

Я не умею ткать, но могла бы сообразить. Там, где произошло натяжение, нити основы выскочат при первой возможности. Если добавить к этому полоскание в большом количестве воды и отжим, пусть даже самый деликатный, когда ковер длиной два с половиной метра бьется о барабан стиральной машины, последствия очевидны. А значит, как я понимаю теперь, когда по прошествии многих лет размышляю о динамике все еще не произведенного ремонта, я не подумала об уязвимости вещи. Эта вещь давно была передана мне на хранение, мне было поручено о ней заботиться, а я злоупотребила своей властью. После моего «ремонта» у изделия появилось слабое место, ставшее причиной разрушительного процесса.

Когда мы уделяем вещи время и внимание, вкладываем в нее труд — «психическую энергию», как выражается Рассел Белк (Belk 1988: 144), изучающий механизмы потребления, — между нами и вещью возникает связь. По мнению исследователя, создание или приобретение каких-либо объектов раздвигает границы личности, поэтому внезапная утрата вещи (например, в случае поломки или кражи) вызывает потребность поскорее заполнить брешь в собственном «я», часто с помощью творчества (Ibid.: 143). В данном случае на примере одежды, оставшейся после смерти родных, мы видим попытку, наоборот, разделить личность и вещи, но она тем не менее воплощает произошедший в семье разлом. Каким бы будничным ни казался этот процесс, на эмоциональном и интуитивном уровне понятно, что плетение ковриков из ткани, пропитанной столь сокровенным смыслом, представляло собой медленное, упорное движение к восстановлению

связей, психическую энергию, направленную на то, чтобы возродить или расширить свое «я» посредством работы и сближения с оставшимися от погибших вещами, которые послужили материалом для обновления.

Когда много лет спустя коврик порвался и начал распускаться, стало ясно, как важно продлить ему жизнь — не потому, что он сделан из каких-то ценных материалов, а потому, что в нем заключена драгоценная семейная память. Бабушка сопровождала эти изделия до определенного порога, а они ее. Они двигались параллельно, поочередно ведя друг друга, меняясь, пока она не окончила свою работу, коврики из одежды ее детей — наверное, некоторые вещи она достала из вороха тех, что ожидали починки; пару к ним давно уже не найти.

Предметы в любой момент могут превратиться в вещи или в измененном виде вернуться в состояние материалов. Поддержание статуса предмета, его роли или функциональности — идет ли речь о личной, культурной или финансовой ценности — требует непрерывных, каждодневных усилий. Обветшание, разрушение, поломка — проявления того, что Фернандо Домингес Рубио называет «непреклонностью вещей... ведь вещи, подобно физическим процессам, проходят через различные стадии, нарушая предписанные им как предметам закономерности, так что возникает... разрыв между тем, чем эти вещи являются на самом деле, и тем, чего от них ожидали» (Domínguez Rubio 2016: 62). Речь о привычной нам энтропии, превращающей предмет в вещь, а вещь — в мусор. Элизабет Грош проводит параллель между вещью и *телом*, словно отраженными друг в друге: «Прочность одного из элементов, вещи, обеспечивает прочность и стабильное существование или жизнеспособность другого элемента, тела» (Grosz 2009: 132). Джейн Беннет называет эмоциональные качества вещей пульсирующей материей, утверждая, что оттачивать способность распознавать исходящую не от человека жизненную силу, открыться ее восприятию — наша этическая задача (Беннет 2018). Эта открытость — пространство между возможностью и ограниченностью, связь между телом и вещью, в особенности между телом и тканью, часто служащей нам второй кожей, и, принимая решение о починке, мы можем вернуть вещи статус предмета, даже если ее первоначальный облик или назначение изменятся. В процессе ремонта тот, кто его осуществляет, становится частью более обширного нарратива, своего рода человеческой «пульсирующей материей», встраиваясь в жизнь

предмета — оставляя на нем видимые следы или незримо определяя его устройство в ходе замены или починки составных частей. Это возможность исцеления для обеих сторон.

В книге «Починка, поломка, прорыв: этнографический отклик» Франсиско Мартинес пишет: «Чинить — значит воздействовать на мир: занимаясь починкой и ремонтом, человек участвует в построении мира, материализует эмоциональные сущности. Кроме того, этот процесс рождает прочность, чуткость к материалу и эмпатию, равно как и более альтруистические ценности, направленные на улучшение экологии жизни» (Martínez 2019: 2). Мысль, что починка может привести к такому эффекту, что предметы составляют часть задачи, возложенной на нас в мире, вдохновляет меня, но грандиозность этой миссии многого требует от того, кто в одиночку занимается ремонтом, или того, кто только начал им интересоваться, или того, кто порой чинит, а порой постыдно заменяет испорченную вещь новой, а может быть, даже отпугивает тех, кто смотрит за процессом починки со стороны или никогда не ремонтирует сам. Но поскольку воздействовать на мир — значит воздействовать на находящиеся в нем предметы, я предлагаю сделать отправной точкой наши повседневные отношения с поврежденными предметами. Научить другого чинить вещи — скромный вклад¹. Дело не столько в том, чтобы поскорее что-то изменить, сколько в том, чтобы передать другим набор навыков и доступных инструментов, выстраивая отношения и помогая людям ощутить связь с предметами, которыми они дорожат настолько, чтобы о них заботиться, а возможно, раскрыв причину, побуждающую их проявлять заботу. Утрата целостности означает уязвимость. Мы можем увидеть в ней слабость — и выбросить вещь, а можем разглядеть потребность в заботе. Во втором случае, если мы выбираем путь заботы об уязвимой вещи, мы перестаем смотреть на нее сверху вниз, а занимаем положение рядом с ней. Вместо того чтобы размышлять об обременительных и тягостных мерах, которые нам предстоит принять, мы делаем акцент на заботе и сопровождении вещи, в этой заботе нуждающейся.

Такая точка зрения вытекает из феминистской этики заботы (Tronto 2013: 30), сосредоточенной на развитии межличностных отношений. Чаще мы не принимаем решения в одиночку, а действуем сообща, так как наша способность заботиться о других и принимать заботу со временем меняется. Все люди ранимы и хрупки, но некоторые в определенные периоды жизни становятся особенно хрупкими и нуждаются в поддержке; каждый является и объектом, и источником заботы вне зависимости от физического здоровья. По мере того

как меняются наши возможности и проходит время, эволюционирует и обоюдный характер заботы. Применяя этику заботы к нашим отношениям с другими людьми и миром, мы формируем свое сознание и реакции, одновременно разоблачая властные структуры, прикрывающиеся заботой. Аналогичный подход применим к нашим отношениям с уязвимыми предметами как установка на искусство заботы².

Политологи и теоретики феминизма Джоан Тронто и Беренис Фишер определяют заботу как «все, что мы делаем, чтобы поддерживать, сохранять и чинить наш „мир“, делая собственную жизнь в нем максимально благополучной». Исследовательницы добавляют: «Этот мир включает в себя наше тело, нашу личность, нашу среду — все, что мы пытаемся вплести в единую сеть жизни» (Tronto 1993: 103). Хотя здесь не упомянуты собственно предметы, вещи, они — часть нашей среды, а это определение следует рассматривать как отправную точку для дальнейшего изучения разнообразных ситуаций и сложностей заботы (Ibid.: 21). Коль скоро наша цель — починка, имеет смысл рассмотреть выделенные Тронто составляющие и стадии заботы: *внимательность* (заботливость), *ответственность* (проявление заботы), *компетентность* (умение заботиться), *чуткость* (умение принимать заботу), *коммуникация и уважение* (бережное отношение). К перечисленным элементам я предлагаю добавить новый, *сопровождение*, то есть *заботу в процессе превращения*, с учетом постоянного взаимодействия с материалами и вовлеченности в процесс, которые я понимаю не как попытку доказать свою силу или преодолеть препятствие, а как акт обоюдной заботы. Применив эти понятия к починке, мы получим не столько идею, сколько практику заботы.

Починка не всегда успешна. Мы прибегаем к неправильным методам. Используем старые материалы — или в недостаточном количестве. Предмет изначально не рассчитан на то, чтобы его ремонтировали. Мы торопимся. Берем не тот инструмент, краску, пряжу. Список можно продолжить. Но иногда починка оказывается долговечной. Может быть, это удача, навык или опыт, но сколько бы раз вы ни штопали носок, ни приклеивали бы заново доску, ни ставили заплату, каждый следующий раз немного отличается от предыдущего, требует учитывать едва заметные нюансы, расширяя представления того, кто занимается ремонтом, о материалах, процессе и ситуации. У нас вырабатываются необходимые навыки, но, когда мы наблюдаем, чувствуем, слушаем, мы становимся восприимчивы к взаимосвязанности повседневных контактов (Lipari 2014: 215). Это и есть *внимательность*, то есть *заботливость*: прежде всего умение распознавать нужду и отвечать на нее заботой (Tronto 1993: 127),

а значит, внимательно следить за состоянием вещи и оценивать его (Dant 2010), что иногда происходит не раньше, чем мы приступаем к ремонту. Внимательность выражается в том, что мы замечаем дырку в носке, которой еще утром не было, но которая появилась после долгого дня. Если дырка свидетельствует о том, что тело трется о волокна ткани, то заплатка рассказывает об усилиях, приложенных рукой для восстановления целостности, о том, что человек отложил свои дела (Tronto 2013: 34), чтобы выполнить эту работу, пока прореха не расплзлась еще сильнее.

Ответственность, или проявление заботы, заключается в нашей способности и желании реагировать. В концепции Джоан Тронто ответственность — в отличие от обязательства, основанного на реальных или подразумеваемых обещаниях, в том числе обременительных, — предполагает бóльшую гибкость, но все равно требует постоянно оценивать ситуацию и в первую очередь задаваться вопросом, на нас ли лежит ответственность за починку. Она дает возможность менять стратегию заботы в зависимости от потребностей уязвимого предмета и наших первоначальных предположений относительно характера заботы и ремонта. Ответственность — это непрерывная переоценка ситуации, когда мы спрашиваем себя: *правильно ли мы осуществили починку?*

Оценка требует определенных навыков, поэтому нерелевантна, если бы я, например, решила заглянуть под капот своей машины. Я могу попытаться понять причину странного звука, но я не обладаю *компетентностью* — *умением заботиться* — или адекватными ресурсами, чтобы самостоятельно выполнить такого рода ремонт. Я должна убедиться, что человек, которому поручено восстановить целостность моей машины, крыши в моем доме, моего тела, моей одежды, такими ресурсами располагает, а если я берусь за починку сама, то и мне надо быть уверенной в наличии всего необходимого, будь то возможность достать нужные материалы, умение или время. Компетентность проявляется и в том, как мы делимся навыками починки и обучаем других. Я могу научить вас всегда закреплять ткань в пальцах, прежде чем ставить заплату, но если я не расскажу о других способах, вы вряд ли догадаетесь, когда этот инструмент использовать не стоит — например, если таким образом вы растянете нитки или повредите волокна ткани. Другое дело, если я объясню вам недостатки этого инструмента и скажу, почему иногда лучше чинить на руках: так вы будете ощущать, где нити лежат свободно, а где натянуты, ваши стежки не разрушат ткань, и вы сможете в процессе менять положение рук, чтобы вам было удобно держать материю.

Здесь проявляется *чуткость* того, кто заботится, к реакции того, о ком он заботится: тот, кто чинит, обращает внимание на то, как ведет себя уязвимый предмет, который он чинит. Этот процесс включает в себя наблюдение и предвосхищение потребности в новом или другом ремонте, оценку, предполагающую умение признать, что проявленной заботы недостаточно или что она оказалась неудовлетворительной. Хрупкость предмета может указывать на специфику среды, куда он раньше был или по-прежнему помещен, на особенности его прежних или нынешних владельцев, но еще от нее, несомненно, зависит, появится ли у вещи новый владелец. Такое взаимодействие требует от нас *уважения и бережного отношения* к предмету, который мы чиним. Так, например, вы можете заметить, что приутюжили слишком плотную термонаклейку на порвавшиеся брюки. Реакцию вещи вы наблюдаете, когда ткань рвется уже в другом месте, у края заплаты, на участке, где раньше не было дефектов, — так происходит *коммуникация*. Небрежная починка почти всегда ведет к новым повреждениям.

И наконец, *сопровождение*, или *забота в процессе превращения*, — еще одна составляющая заботы, которую я выделила, размышляя над историей ковриков, сотканых моей двоюродной бабушкой. Одежда, которую она разрезала, чтобы сплести коврики, вероятно, хранила запах и следы ношения, поэтому бабушка работала с тканью, в которой для нее был заключен особый смысл и связь с прошлым. Она заботилась о материалах и их переходе в новую форму, а они сопровождали ее в эмоциональном плане, замедляя время и в буквальном смысле предоставляя пространство для скорби. В творческих процессах телесность ручного труда — в данном случае монотонная работа обеих рук и осязание родной, знакомой ткани — целительна, поэтому они воздействуют на человека благотворно, успокаивая вегетативную нервную систему благодаря «покою, сосредоточенности и снятию напряжения» (Garlock 2021: 199). Савнит Талвар, специалистка по арт-терапии, говорит в этой связи о «целенаправленном созидании, требующем вглядываться и вспоминать, повторять и переосмысливать» (Talwar 2019: 183). Травматический опыт нельзя повернуть вспять, но успокоительные ощущения, сопровождающие подобные творческие практики, — разновидность заботы о себе. В процессе починки как сопровождения человек чинит не только поврежденный предмет, но и собственное эмоциональное состояние.

Сопровождать — значит разделять опыт друг друга, составлять друг другу компанию, то есть подпитывать друг друга³, переходя порог. Для того, кто чинит уязвимый предмет, это может означать, что

он восстановит его функциональность, или найдет ему новое употребление, или даже позаботится о его переходе от наличия к небытию, например разрушению (DeSilvey 2017: 179). Джейн Беннет говорит о способности вещей не только тормозить или блокировать человеческую волю и замыслы, но и выступать в качестве мнимых субъектов или факторов с собственными траекториями, наклонностями или тенденциями (Беннет 2018). Если уязвимым предметам присуща такого рода жизненная сила, а мы проявляем о них заботу, логично, что мы пытаемся контролировать исход ремонта своими неуклюжими руками. Подходить к починке с позиций сопровождения — значит опираться на этику заботы, построенную на обоюдном воздействии того, кто занимается починкой, и вещи, которую он чинит. Сопровождая, мы двигаемся параллельно, поочередно ведем другого и следуем за ним, но всегда заботимся друг о друге и чиним друг друга.

IV

Я сворачивала этот коврик и возила его с одного континента на другой, ездила с ним по городу, переносила его из комнаты в комнату, усаживала на него кошек, стелила его в коридорах, сушила на веревке. Как-то вечером я, беременная вторым ребенком, выбивала пыльный коврик на улице и растревожила осиное гнездо под полом — я в панике швырнула коврик на лужайку, где он пролежал ночь под навесом, — в нем кишели разъяренные насекомые, а мои ноги распухли от десятков укусов. Но теперь он уже много лет хранится на полке, завернутый в простыню. Я посоветовалась с мамой, предложившей мне распустить середину, высвободив оставшиеся полосы ткани и сделать из одного коврика два поменьше. Она помнит, как надо поступать в таких случаях: возможность починки уже заложена в структуру изделия. Но я пока не определилась с техническими аспектами такого ремонта, поэтому распускаю коврик понемногу, смотрю на него в очередной раз и продолжаю откладывать починку. В моем случае сопровождение, забота в процессе окончательного превращения выражается в многолетнем промедлении, в неспешном хождении вокруг да около.

Недавно, в очередной раз осматривая коврик и ощупывая свободно болтающееся плетение, я наткнулась на полоску джинсовой ткани со следами красной краски и вспомнила их происхождение — дядя по рассеянности испачкал джинсы краской, занимаясь повседневной работой на ферме, и следы остаются на ткани вот уже не одно

десятилетие, спрятанные в недрах изделия. Предстоящая починка коврика и для меня способна сыграть двойную роль — заботы о вещи и заботы о самой себе. Я предвкушаю неуловимую, но имеющую огромное значение преемственность — следы моих рук рядом со следами, оставленными моими родными. Так складывается отчасти карта, а отчасти история, странствие, начинающееся с крушения повседневности — от отчаяния к исцелению, пользе, разрыву, разочарованию, починке, обновлению — и к возможности снова обрести повседневность.

Перевод с английского Татьяны Пирусской

Литература

Беннет 2018 — Беннет Д. Пульсирующая материя: политическая экология вещей. Пермь: Гиле Пресс, 2018.

Belk 1988 — Belk R. Possessions and the Extended Self // Journal of Consumer Research. 1988. September. 15. P. 144.

Berger & Kjellevoid 2020 — Earth, Wind, Fire, Water / Ed. by R.G. Berger, T. Kjellevoid. Stuttgart, Germany: arnoldsche Art Publishers and Nordic Network of Crafts Associations, 2020.

Dant 2010 — Dant T. The Work of Repair: Gesture, Emotion and Sensual Knowledge // Sociological Research Online. 2010. 15. No. 3. P. 6.1.

Decker 2001 — Decker J. Found and Assembled in Alaska. Anchorage: Decker Art Services, 2001.

DeSilvey 2017 — DeSilvey C. Curated Decay: Heritage Beyond Saving. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2017.

Domínguez Rubio 2016 — Domínguez Rubio F. On the Discrepancy Between Objects and Things: An Ecological Approach // Journal of Material Culture. 2016. 21. No. 1. P. 62.

Garlock 2021 — Garlock L.R. Alone in the Desert // Craft in Art Therapy: Diverse Approaches to the Transformative Power of Craft Materials and Methods / Ed. L. Leone. N.Y.; London: Routledge, 2021.

Grosz 2009 — Grosz E. The Thing // The Object Reader / Ed. by F. Candlin, R. Guins. London; N.Y.: Routledge, 2009.

Lipari 2014 — Lipari L. Listening, Thinking, Being: Toward an Ethics of Attunement. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2014.

Martínez 2019 — Martínez F. Introduction: Insiders' Manual to Breakdown // Repair, Brokenness, Breakthrough: Ethnographic Responses / Ed. F. Martínez, P. Laviolette. N.Y.; Oxford: Bergahn, 2019.

Talwar 2019 — Talwar S. The Sweetness of Money: The Creatively Empowered Women (CEW) Design Studio, Feminist Pedagogy and Art Therapy // Art Therapy for Social Justice: Radical Intersections / Ed. S. Talwar. N.Y.: Routledge, 2019.

Tronto 1993 — Tronto J. Moral Boundaries: A Political Argument for an Ethic of Care. N.Y.; London: Routledge, 1993.

Tronto 2013 — Tronto J. Caring Democracy: Markets, Equality, and Justice. N.Y.; London: New York University Press, 2013.

Примечания

1. Раньше я собирала тех, кого учила, и сидела рядом с ними, пока мы занимались починкой, но из-за коронавируса в настоящее время я учу других при посредстве монитора и делюсь с ними изображениями.
2. В своих недавних работах исследователи, живущие за полярным кругом, применяют этот подход к уязвимости экологии и человеческих отношений. См.: Berger & Kjellevold 2020.
3. Слово «компания» происходит от латинского *com panis* — «с хлебом».